

Евгений Карнович

Охота на вепря

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Охота на вепря

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Дремучие, пустынные леса служили не раз убежищем для окрестных жителей, когда военная гроза гремела над Польшей... Невдалеке от этих лесов, лет полтора тому назад, стоял на пригорке пышный замок воеводы Ильговского. Много видел на своём веку пан Ильговский, много повоевал он и побывал в разных землях и потом на старости лет приехал отдохнуть в своём наследственном замке, и любимой его забавой была охота в соседних, дремучих пущах...»

Евгений Петрович Карнович

Охота на вепря

Длинной и широкой полосой тянулись в былое время за левым берегом Вислы к подножьям Карпат Придольские леса. Проредели они потом, но всё же и теперь ещё представляют местами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало в глубине этой чащи просторных тропинок, только в недалёком расстоянии от опушки леса извиваются они как змейки, то перекрещиваясь, то расходясь во все стороны, то теряясь в густой траве и плотной поросли, то исчезая на выползших из земли и обнажённых корнях вековых дубов и сосен. Пуста и безмолвна эта лесная глубь, изредка разве заберётся в неё окольный крестьянин для поживы хворостом, да промелькнёт среди зелени и древесных стволов охотник, отыскивая лося или берлогу залёгшего вблизи медведя.

Если бы иной мечтатель захотел летнею порою побродить в этих лесах, то наверно их тишина, их свежесть и живописная их прелесть навеяли бы на него поэтические думы и чудные грёзы; но не легко бы выбрался он из чащи на какую-нибудь поляну, долго бы пришлось ему кружиться на одном и том же ме-

сте, и не раз попадался бы он в такую труппу, в которой, быть может, до него никогда ещё не ступала нога человека.

В ином месте, среди этих вековых лесов, медленно струящийся ручей неожиданно пересекает и без того уже трудно проходимую тропинку. За ручьём на большом пространстве тянется вязкая топь, а между тем нет ни мостика, ни жёрдочки; идти дальше нельзя; а по свежесодранной коре с близстоящего дерева видно, что ещё очень недавно посетил это затишье медведь, которого, чего доброго, снова заманит сюда чутьё лакомой добычи.

Невольно, в тяжёлом раздумье останавливается здесь прохожий и дрожащим голосом шепчет усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснет на верхушках деревьев и подходящие украдкой сумерки наполняют лес сгущающеюся мглою. И вот в памяти одинокого прохожего оживают все страшные предания и все суеверные рассказы об этом таинственном боре. Счастлив он, если засветло успеет напасть на следы человека, который проходил прежде него в этой пуще и был так осторожен, что войдя в неё делал топором за-

рубки на деревьях, чтобы потом с помощью этих меток, выбраться из незнакомой дебри.

Изредка небольшая поляна пересекает сплошную гущу леса. Пустынно, но вместе с тем весело расстилается эта поляна зелёным ковром, испещрённым дикими цветами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькие цветы, выросшие в таком приволье. Иногда на этой поляне виднеется хата пасечника с несколькими десятками ульев, и тогда тишина нарушается жужжаньем пчёл, которое, долетая до слуха прохожего, кажется ему то гулом неопределённых, далёких звуков, то людским беспокойным говором.

Старый пасечник давным-давно поселился в этой глуши и полюбил её так сильно, что не променял бы её ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливые её местечки, в которых, с утра до поздней ночи, снуют и копошатся евреи.

Несмотря на уединённую жизнь пасечника, его хорошо знают все окольные крестьяне; он слывёт у них за знахаря; и действительно, старику известны и вредные, и целебные си-

лы лесных трав и кореньев; он заговаривает ужаленных змеями; он умеет за несколько дней угадать погоду и ненастье; он лечит всех и каждого от разных телесных недугов, а молодых и от сердечных зазноб. Старик твёрдо знает все извилистые тропинки леса и, как носится молва, может показать те места, где зарыты богатые клады. Но старик пасечник не говорлив, от него ничего не добьёшься.

В проредях леса виднеется иногда приземистый шалаш, который кажется служит скорее притоном дикому зверю, нежели убежищем человеку. В этом жалком шалаше поселился на летнюю пору забредший откуда-то еврей; он жжёт уголья и гонит смолу, он трудится без устали день и ночь, но недоверчивая молва отзывается о нём по-своему: одни рассказывают, что будто бы этот исхудалый бедняк оберегает несметные сокровища, запрятанные в лесу давным-давно, когда на польском престоле сидела Ядвига с Ягелло. Другие говорят, что он, забравшись в дремучий лес, подделывает монету. Бедняк знает недобрую молву; он и сам, как кажется, не доверяет никому и с трусливым беспокойством

оглядывает тех, которые проходят мимо его шалаша.

Зимою снег заносит и лесные тропинки, и поляны; тяжёлыми хлопьями ложится он на раскидистые ветви сосен. В эту пору, чарующая летняя прелесть леса заменяется печальной сонливостью; здесь нет уже душистой свежести, здесь не слышно весёлого щебетанья птиц, и не носятся рои игривых мошек; всё притихло, всё мёртво, и только иногда на белой пелене снега виднеются следы пробежавшего волка.

Эти дремучие, пустынные леса служили не раз убежищем для окрестных жителей, когда военная гроза гремела над Польшей...

Невдалеке от этих лесов, лет полтора тому назад, стоял на пригорке пышный замок воеводы Ильговского. Много видел на своём веку пан Ильговский, много повоевал он и побывал в разных землях и потом на старости лет приехал отдохнуть в своём наследственном замке, и любимой его забавой была охота в соседних, дремучих пущах.

Воевода был вдов и приближался к могиле с печальною мыслью, что со смертью его угас-

нет род Ильговских, так честно и доблестно служивший отчизне в течение нескольких веков.

Наступала осень, а с нею подходил и день св. Андрея, именины пана воеводы; набожный и богатый Ильговский всегда с большою торжественностью праздновал день своего патрона, а на этот раз ему почему-то хотелось отпраздновать свои именины с большею пышностью, нежели в прежние годы. К этому дню в замок воеводы должно было съехаться множество гостей из близких и далёких сторон; для них приготавливались всевозможные запасы в несметном количестве. Не говоря уже об огромных бочках прадедовского венгерского вина и столетнего мёда, в замке воеводы, для угощения приезжих, было назначено: полусотня волов, стадо баранов, двадцать лосей, десять вепрей и бесчисленное количество зайцев и рыб. Ещё за три недели до съезда гостей, все окрестные мельницы принялись махать крыльями и шуметь колёсами, заготавливая муку, а из близких прудов и дальних озёр таскали беспрестанно невода, наполненные множеством разных рыб. Огром-

ные залы замка, остававшиеся обыкновенно запертыми в течение целого года, были теперь отворены, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стены этих зал и насевшую толстым слоем на богатое их убранство, а также уставляла в столовой бочки с серебряными и даже золотыми обручами, наполненные дорогим венгерским. Кравчий воеводы, занимавшийся расстановкою бочек, особенно заботился о том, чтобы они были размещены по старшинству лет налитого в них вина.

За несколько дней до св. Андрея потянулись к замку со всех сторон щёгольские колымаги и простые тележки, наполненные родственниками, друзьями и знакомыми Ильговского. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатые поместья которого раскидывались без перерыва в длину почти на тридцать в ширину слишком на двадцать миль, и у которого в подвале замка, за железными дверями и крепкими запорами, стояли бочонки серебра и золота.

Воевода, как мы сказали, был бездетен, и потому множество близких и дальних род-

ных, и с отцовской, и с материнской, и даже с жениной стороны, с нетерпением выжидало кому-то он откажет своё громадное богатство. Все родственники наперерыв один перед другим увивались около старика, и каждый из них, рассчитывая быть единственным наследником, не без злобы посматривал на своих соперников.

Но кроме родственников, пан-воевода был окружён ещё толпой чужой ему молодёжи из шляхты; не одного уже голыша-шляхтича вывел он в люди или наделил достатком, за то, что тот служил ему верой и правдой и отличался удалью и отвагой. Но никто однако из всей молодёжи, жившей в замке богатого пана, не пользовался в такой степени его любовью, как пользовался ею пан Яцек Илинич, статный и красивый юноша. Для него было пустяки – вскочить на степного, неукротимого скакуна, и через несколько времени обратить его в трусливого барана; не стоило ему большего усилия вышибить из седла одним ударом своего противника; он считал забавой встречу с неприятелем втрое сильнейшим. Но не одной только удалью отличался пан

Яцек, он и в мазурке был первый, и все заглядывались на него, когда он пускался в пляс, подхватив пригожую паненку.

Старик Илинич владел в соседстве с воеводой маленькой наследственной деревней. Когда Яцек подрос, Илинич привёл сына в замок Ильговского и, поклонившись старосте, сказал:

– Отдаю вашей вельможной милости моего сына, он у меня один только и есть. Малый он расторопный и не заставит краснеть за себя своего отца; но я человек небогатый, так пусть мой сын послужит ясновельможному пану и научится в его доме, как быть угодным Господу Богу и людям.

Молодой Илинич исполнил волю отца. Он верно служил своему покровителю, и пан-воевода полюбил его, как сына; окольная молодёжь признавала превосходство Илинича и льнула к нему со всех сторон, а старики, поглядывая на Яцека, нередко говаривали между собою: "Что если бы таких молодцов было у нас побольше?" Девушкам крепко нравился Яцек и, бывало, только лишь он замолвит с одной из них словечко или ловко при-

служится, как она вся зардеет и сама не знает что и как отвечать ему.

Только родственники воеводы косо поглядывали на его любимца и Бог весть что толковали о нём за глаза; но так как он вежливо обходился с ними, не хвастаясь перед ними особенным расположением к себе магната, то и они смягчались, спрашивая самих себя: "да за что нам сердиться на этого молодого человека?" И только мысль о том, что Илинич может быть их соперником по наследству, снова заставляла их хмурить лбы и почёсывать затылки.

Старик Ильговский до такой степени привязался к молодому Илиничу, что при нём одним веселел, смеялся и шутил, а без него большею частью был ворчлив и пасмурен. Иной, пожалуй, на месте Илинича, пользуясь таким удобным случаем, поворотил бы, – как говорят поляки, – воду к своей мельнице; но не такого десятка был Яцек. У него было одно желание – угодить своему покровителю, да полюбить от всей души какую-нибудь хорошенькую соседку, жениться на ней, вскормить деток, пожить, сколько приведёт Гос-

подъ Бог, и потом улечься с миром на родном кладбище, под высоким крестом и тенистой осокою.

Из числа гостей, прежде всех приехавших на именины воеводы и желавших ранним приездом выразить ему особенное уважение, были два брата каштеляниччи [1], Пешковские, и Ян Кмита, сын воеводы. Все они приходились Ильговскому не слишком далёкими родственниками. Они-то, как ходила молва в околотке, и старались больше всех о том, как бы каждому из них захватить в одиночку всё богатство Ильговского или, по крайней мере, только между собою поделить после него наследство, отстранив прочих соперников. Впрочем, не об одном этом думал Ян Кмита; он рассчитывал и на то ещё, что ему удастся понравиться восемнадцатилетней черноокой Ванде, дочери и богатой наследнице подкомория [2] Дембинского, одного из ближайших соседей воеводы.

– Недолго ждать, – думал Кмита, – по всей вероятности воевода скоро отправится на тот свет... Я сделаюсь богатым паном, посватаюсь к Ванде, а Илиничу скажу, без дальних око-

личностей: подальше отсюда, любезный, ищи себе невесты попроще; а на магнатскую дочь не заглядывайся!..

Ярко и безоблачно садилось солнце, обливая золотисто-багряным светом башни Придольского замка и предвещая на завтра хорошую погоду. Двор замка наполнялся всё более и более колымагами, так как гости беспрерывно съезжались к будущему имениннику. Хозяин стоял на пороге своего жилища и приветливо встречал приезжавших. Вот наконец в раззолоченной и обитой бархатом колымаге подкатил к крыльцу замка и пан-подкоморий Дембинский с своей дочерью, Вандой. Поцеловав в лоб воеводу, Ванда украдкой пробежала своими чёрными глазками по толпе молодёжи, окружавшей хозяина замка, но среди толпы не было того, кого она искала. Ванда заметно взгрустнула и призадумалась.

В это время на дворе замка слышались звуки охотничьих рогов. Обширные залы замка опустели в одно мгновение, все кинулись в дверь, чтобы взглянуть на охотников, въезжавших в ворота замка. Впереди охотников

ехал молодой Илинич на отличном гнедом коне, который фыркал и извивался под лихим наездником. Илинич был одет в зелёный чекмень, через плечо висел у него медный рог и барсучья торба, с разными принадлежностями для охоты. Винтовка была приторочена к седлу, а рядом с нею висел в кожаных ножнах большой охотничий кинжал.

Ильговский поспешил на встречу в Илиничу, который, в нескольких шагах от воеводы удержав коня, проворно соскочил с седла, отдал поводья конюху и сняв шапку поклонился хозяину и всем гостям. Потом быстро взглянул он на крыльцо, где стояли дамы и девицы и где он ожидал увидеть Ванду. Илинич не ошибся, и влюблённые поменялись друг с другом такими взглядами, которые были понятны ей и ему.

– Ну что же, Яцек, как ты сегодня охотился? – спросил, входя на крыльцо замка, воевода Илинича, который почтительно следовал за ним.

– Не хорошо, очень не хорошо, – грустно отвечал Илинич, – вепрь ушёл из наших рук, а что ещё хуже, он сильно изуродовал стари-

ка Бартоша и положил на месте четырёх гончих.

– Видно он хочет, чтоб я сам на старости лет пошёл против него? – проговорил Ильговский, и при воспоминании о былой удали ярко блеснули под седыми бровями большие, тёмно-серые глаза Ильговского, которые он пристально упёр в лицо Илиничу. Молодой человек в сильном смущении опустил свой взгляд, точно стыдясь какого-то непохвального поступка. – В моё время, продолжал старик, – высмеяли бы таких охотников, у которых из-под носу убегают вепри; право, им не дали бы нигде проходу.

Илинич растерялся в конец, но потом, оправившись немного, сказал твёрдым голосом:

– Правда ваша, ясновельможный; хоть я сегодня и удачно поохотился на оленей и зайцев, но жалею, что мне не пришлось положить к ногам вашей милости вепря; надеюсь однако, что если встречу его завтра, то он уже не уйдёт от меня...

– Ты мне это повторяешь, мой любезный, каждый день, – проговорил воевода, – а не за-

будь, однако, что через два дня будут мои именины. Приедет ко мне мой старый приятель, каштелян Завиходский, да и спросит: "Ну, приятель, а где же вепрь?" Ведь стыдно будет и тебе, и мне; право, нам обоим будет стыдно, да ещё как! Ей, господа! – кликнул громко пан Ильговский, – объявляю вам, что тот из вас, кто завтра убьёт в Придольской пуще вепря, будет наследником всего моего имения.

Шёпот изумления пробежал в толпе молодёжи, и многие из среды их как-то недоверчиво посмотрели на воеводу.

– Я говорю, – начал ещё громче староста, – что тот из вас, кто убьёт завтра вепря, будет наследником всего моего имения, и кроме того... – добавил пан Ильговский, взглянув пристально на Ванду.

Щёчки Ванды вспыхнули ярким румянцем, а молодой Илинич посмотрел на девушку так, как будто хотел сказать ей:

– Я знаю, Вандочка, о чём идёт дело; не бойся, никому не уступлю тебя.

Никто однако не ответил на вызов магната. Быть может, в толпе молодёжи и не было

трусов, но никто не решался похвастаться заранее, что пойдёт на такое предприятие, которое большею частью оканчивалось смертью удальца, так как, при несовершенстве огнестрельного оружия, в ту пору легко было промахнуться по вепрю или только ранить расвирепевшее животное, с которым после неудачного выстрела приходилось бороться в плотную.

– Что вы, господа, – заговорил с усмешкою воевода, – разве нет теперь в Польше таких молодцов, которые пошли бы на вепря даже так себе, из одной только охоты и без предложенной мною награды?

Молчание продолжалось, никто не хотел быть выскочкой.

– Что же, господа, вы молчите? – спросил пан Ильговский. – Кто же отправится завтра на вепря?

– Я!.. – резко проговорил пан Кмита, выступая вперёд.

– Мы!.. – закричали в один голос братья Пешковские.

– Я! Я! Я! – раздавалось отовсюду.

Кто бы в то время взглянул на Ванду, тот

заметил бы её печаль и смущение. Опустив голову и свесив вниз на шёлковую ткань своего платья сложенные ручки, она стояла неподвижно, ожидая услышать голос Илинича; но Илинич стоял молча, скрестив на груди руки и думая о том, что кстати ли будет отнимать у других то имение, которое ему не принадлежит, и при том за такое дело, на какое он отважился бы и без всякой награды. Но вот он вспомнил недоговорённые слова воеводы и пристальный взгляд Ильговского на молодую девушку. Воспоминание это задело за живое Илинича, который теперь в душе боролся с самим собою.

– Что же ты, мой любезный Яцек, ничего не говоришь? – спросил воевода, подойдя к Илиничу и дружески положив руку на его богатырское плечо.

– Я не пойду завтра на охоту, – проговорил не совсем внятно Илинич.

– Это почему?.. – вскрикнул изумлённый старик, отскочив на несколько шагов от Илинича.

– Потому что там будет идти дело не о доставлении тебе удовольствия, а о наследстве

после вашей милости.

– Ну, не сердись, – сказал улыбаясь Ильговский, – если б я знал, что ты так обидчиво примешь моё предложение, то я лучше бы согласился отказаться от вепря.

– Но мы без тебя не пойдём на охоту! – отозвалось вдруг несколько голосов из толпы молодёжи, любившей Илинича.

– Тебе, пан Илинич, – вмешался отец Ванды, – не следует отказываться от предложения пана-воеводы.

Яцек ещё колебался и украдкой посматривал в ту сторону, где стояла Ванда; её чёрные глаза были устремлены теперь на Илинича, она, казалось, просила его не отказываться от участия в охоте.

– Видит Бог, – проговорил с жаром Илинич, обращаясь к Ильговскому, – что я не хочу домогаться твоего богатого наследства; и если завтра пойду на охоту, то потому только, что это угодно твоей милости!

Стоявший сзади Илинича пан Кмита насупил брови и сильно дёрнул за руку своего соперника.

– Кто тебе позволяет оскорблять нас? – вы-

сокомерно сказал пан Кмита, – не забывай, любезный, что в числе нас есть близкие родственники его милости, пана воеводы; а ты ему что?..

– Я не оскорбляю никого, – твёрдо, но не грубо отозвался Илинич, – а до родственников пана-воеводы мне нет никакого дела; если же тебя оскорбили мои слова, то моя сабля даст тебе удовлетворение.

Пан Кмита побледнел и с заметной злобой, крутя свой ус, готовился отвечать что-то Илиничу.

– Полноте, полноте, господа! – примиряющим голосом заговорил пан Ильговский, становясь между соперниками, – поберегите вашу храбрость на завтра, а теперь возьмёмся лучше за кубки и выпьем за успех завтрашней охоты. А ты, Яцек, – добавил воевода, обращаясь к Илиничу, – прикажи, чтоб к утру всё было готово, как следует. Посмотрите-ка, господа, как великолепно село солнце, нет ни облачка; пожалуй ночью будут заморозки, охота будет славная, такая что и мы, старики, не усидим дома за печкой... Да быть может, и мои дорогие гости захотят посмотреть нашу

охоту, – добавил Ильговский, обращаясь к дамам, – статья может, что они пожелают поздравить того, кто останется победителем. Не так ли, милостивые пани?

– Хорошо, очень хорошо, мы согласны завтра ехать на охоту, – заговорили в один голос все гости.

Молчала одна только Ванда.

– Вели же, Яцек, приготовить к завтрашнему дню шатры на Волчьей Горе, – сказал пан-воевода Илиничу, – с этой горы, я думаю, всё будет видно, если только нам удастся выгнать вепря из чащи. Впрочем ты сам умеешь отлично распорядиться, не тебя мне учить. Нужно только подумать о том, чтобы наши гости встали завтра раньше солнышка и птичек. Теперь прикажи, пан-маршалок [3], – добавил Ильговский, обращаясь к одному из окружавших шляхтичей, – протрубить сбор.

По знаку, данному маршалком, загремели трубы. Хозяин предложил свою руку гостье, старейшей и по летам, и по званию, каждый из гостей последовал его примеру, взял под руку даму и попарно за хозяином пошли в столовую.

Нечего, кажется, и говорить, что в одной из пар были Ванда и Илинич.

– Желая тебе успешно охотиться завтрашний день, – с волнением прошептала девушка, склоняясь несколько к плечу Илинича.

– О, я и сам желал бы этого, – отозвался с глубоким вздохом Яцек.

– Я предчувствую, что охота тебе удастся; я буду молиться Богородице, чтобы она помогла тебе, – тише прежнего пролепетала Ванда.

Звуки труб и литавр, раздавшиеся в это время с таким громом, что, казалось, от них дрожали стены замка, заглушили ответ Илинича, который слегка пожал руку молодой девушки.

Гости вошли в столовую. Стены этой залы и полукруглый свод её потолка были сероватого цвета. На стенах было развешано дорогое оружие и разные охотничьи принадлежности, вперемешку с оленьими и буйволовыми рогами, а также портретами давних владельцев Придольского замка и гербами как их фамилии, так и тех фамилий, которые были с ними в родстве. В простенках же между окон

и по бокам дверей были сделаны дубовые полки, уставленные грудями серебряной и золотой посуды.

Гости уселись по старшинству кругом столов, загромождённых разными кушаньями. Начался продолжительный ужин и после десятого блюда пошёл ходить между гостями круговой кубок; при питье из этого кубка начались громкие виваты в честь гостей и хозяйина, а среди виватов слышались поцелуи, шутки, остроты и разные пожелания. По всему замку разносились весёлые клики, смех и говор, и долго бы ещё продолжался пир, если бы заботливый хозяин не напомнил гостям, что завтра ещё до рассвета они должны будут отправиться на охоту.

Предсказание старобы насчёт погоды сбылось как нельзя лучше: золотистые лучи утренней зари быстро разгоняли ночную мглу, и поредевший туман белыми клубами расстилался по земле, обещая прекрасную погоду. Заря гасла, между тем дневной свет приливал всё сильнее и сильнее, и казалось, что вот сейчас из-за ближнего леса выйдет сол-

нышко во всём своём величии и утреннем блеске; однако обитатели замка предупредили его ранний восход.

Едва только начал редеть ночной мрак, как в замке пана Ильговского все захопота-ли и засуетились, шум и беготня усиливались всё более и более, и вскоре двор замка начал походить на ярмарочную площадь, — на нём кишела пёстрая толпа; в этой толпе стрелки, сотворив крёстное знамение, осматривали свои винтовки, желая увериться, не заговорил ли их какой-нибудь колдун; псаря между тем вязали на своры гончих, которые громким лаем выражали свою радость и нетерпение. Доезжачие подучивались трубить в рога, а конюхи выводили из конюшен или держали под уздцы коней, которые ржали, становились на дыбы и выбивали копытами глыбы земли, слегка охваченной утренними заморозками. Несколько далее на том же дворе нагружали возы кушаньями, напитками и котлами, а также приготавливали колымаги, в которых должны были отправиться на охоту молодые и старые гости, выглядывавшие теперь из окон замка на всю эту суетню. По

огромным запасам съестного и питья, нагружаемым на возы, можно было подумать, что хозяин и его гости выбирались из замка на такую охоту, которая должна была продлиться целый год.

Когда всё было готово, Илинич, в своём зелёном чекмене, опушённом лисицей, ловко вскочил на лихого, гнедого коня. Вокруг Илинича столпились конные и пешие охотники; а гости разместились по колымагам.

Прежде отбытия самой охоты тронулся со двора замка обоз, псы нетерпеливо завыли, кони рвались вслед за обозом, но седоки сдерживали их, так как, по обычаю того времени, охотники и гости не могли тронуться с места до тех пор, пока старший летами охотник не затрубит в рог. Все с нетерпением ожидали этого знака, и едва только выглянуло из-за леса яркое осеннее солнце, как восьмидесятилетний каштелян Завиходский, ещё бодро сидевший на турецком коне, громко затрубил в серебряный рог, и при последнем звуке этого сигнала двинулись за ворота замка охотники и поезжане.

В Придольских лесах, с которыми мы уже познакомили наших читателей, поднимались в это время с своего ночлега встрепенувшиеся птицы, встречая громкими криками пробудившее их солнце; им вторила переключка поселян, обходивших облавою часть бора и приближавшихся к его опушке.

На Волчьей Горе, которая отделялась от леса оврагом, поросшим мелким кустарником, были разбиты шатры для дам и хилых стариков. Вблизи шатров пылал огромный костёр, около которого шла деятельная стряпня.

Звуки рогов, крики охотников, шум колымаг, лай собак и ржание коней сливались в какой-то неопределённый гул, с которым приближалась охота на назначенное ей место. Пан Илинич, ехавший впереди охоты, заменяя хозяина, провожал гостей до шатров, и когда все разместились, то он во весь опор поскакал к опушке леса. Там он разведал у лесничих о вепре и напомнил столпившимся около него охотникам о стыде, который ожидает их, если они станут стрелять не по вепрю, а по недоросшим вепрятам или оленям. После этого он стал распоряжаться всеми по-

дробностями охоты.

По данному Илиничем знаку вытянулся ряд доезжачих; один из них имел небольшой барабан, другой трещотку, третий булаву, увешанную бубенчиками. Все доезжачие были на лихих конях, которыми славились на всю Польшу воеводские конюшни, и сами смотрели молодцами. Подле доезжачих расположились псары со сворами, и когда Илинич махнул рукою, то все они кинулись в лес по заранее условленным дорожкам, чтобы окружить логовище вепря. Между тем Илинич, сойдя с коня, перебегал от одного охотника к другому и осматривал их винтовки; он осведомлялся, хорошо ли они вычищены, не слабы ли курки, надёжно ли отточены кремни. Илинич спросил также всех охотников по очереди о том, есть ли у них в готовности запасные заряды. Покончив осмотр и расспрос, он громко крикнул:

– Благородные пань! Вот места для стойки охотников. Пусть выбирает себе каждый из вас, какое ему угодно место; но только прошу вас поторопиться, потому пора подать сигнал к травле.

Тут между охотниками началось движение; поднялись было споры и говор. Однако дело скоро уладилось, и спустя несколько времени все охотники были уже на местах. Не без волнения каждый занимал своё место, на котором мог или получить огромное богатство, или попасть на клык вепря. Случайно самому Илиничу пришлось стать около пана Кмита. С заметным спокойствием Яцек занял своё место и протрубил сигнал для начала охоты.

В лесу послышался тревожный лай гончих псов, облавщики приготовили рогатины, и все пришли ещё в большее движение, когда невдалеке от опушки леса увидели землю, взрытую клыком вепря. Казалось, что место это было глубоко перепахано сохой.

Между тем лай гончих продолжался; он то отдалялся от охотников, то приближался к ним; но вдруг стаи гончих залились каким-то злобным воем; охотники встрепенулись, в лесу послышался шум и треск от ломки деревьев. Псы завидели вепря и наскочили на него, но тут же раздался жалобный их визг: потому что несколько гончих было поднято

на клык вепря.

– Смотрите! смотрите! Не зевайте! – раздавалось по цепи охотников, и один из них хватался торопливо за винтовку, а другой за кинжал, готовясь встретить разъярённого зверя.

Пан Кмита был взволнован сильнее всех; он как будто растерялся; из-под шапки, крепко надвинутой на брови, выступал крупными каплями холодный пот. В это время из чащи леса бежал рассвирепевший вепрь, за ним в погоню неслась стая гончих псов, которых он по временам размётывал клыками во все стороны, очищая себе дорогу.

У всех охотников дрогнуло сердце. Один Илинич стоял спокойно, опёршись на винтовку и ожидая, где появится вепрь, который на несколько мгновений скрылся в кустах оврага.

Но вот вблизи Илинича послышался треск и хруст ломающихся ветвей и вепрь, величиною с годовалого телёнка, с пеною на морде, с прокусанными во многих местах боками, облитыми кровью, очутился вблизи Илинича и его соседа Кмита. Ощетинившееся животное пускало из ноздрей клубы пара и мчалось

вперёд во всю прыть.

Пан Кмита приложил винтовку к дрожавшему плечу и нетвёрдою рукою спустил курок, – выстрел раздался; но пан Кмита промахнулся и вепрь с яростью бросился на него. Выхватив из-за пояса охотничий нож, Кмита хотел было дать отпор вепрю, но поскользнулся немного и, растерявшись от этого в конец, пустился бежать. Зверь кинулся за ним в погоню, а между тем стрелять никто не решался, опасаясь попасть вместо зверя в охотника. Поднялась страшная сумятица; вепрь уже нагонял Кмиту, который, к довершению бедствия, споткнулся и упал. Все обмерли от ужаса, предвидя страшный конец охоты.

Но в это время метким глазом и твёрдою рукою прицелился в вепря Илинич, и горсть рубленных пуль пронизала левый бок вепря. Бешеный зверь оставил Кмиту и быстро бросился на Илинича, который сделал ловкое движение в сторону, успел, с кинжалом в руке, вскочить на хребет зверя и, нанеся ему между лопаток сильный удар кинжалом, всадил лезвие по самую рукоятку. Вепрь дико взвыл, зашатался и покатился на бок, а подо-

спевшие гончие накинулись на него с ожесточением. Раненый вепрь упорно отбивался от них, но Илинич подскочил снова к озлобленному животному и другим ударом кинжала покончил его.

На Волчьей Горе загремели трубы и литавры, и в честь победителя отовсюду раздались громкие одобрения. Илинич, вынув из ножен саблю, отсёк у вепря оба клыка и понёс их пану Ильговскому. Торжественно шёл теперь Илинич, окружённый толпою охотников, дивившихся его отваге.

При приближении Яцека к шатрам снова ударили в литавры, и пан воевода поднял одною рукою золотой кубок, наполненный венгерским, а другою обнял Илинича и громко крикнул:

– Виват, пан Яцек Илинич, наследник моего имения!

– Виват! виват! – раздалось со всех сторон.

Среди этих кликов, воевода осушил кубок до последней капли и, приказав слуге наполнить его снова, передал кубок подкоморию, отцу Ванды, которая, не успокоясь ещё от волнения, тревожно посматривала то на отца, то

на Илинича.

– Да помогает Господь Бог отважному юноше всегда и везде! – с чувством произнёс пан Дембинский, – нам нужно таких молодцов, которые смело шли бы и в огонь, и в воду.

С этими словами, поклонясь Илиничу, Дембинский выпил кубок за его здоровье до самого дна; и затем кубок стал ходить кругом, посреди громких возгласов, в честь смелого Яцека. Когда же окончились эти тосты, то воевода взял под руку молодого охотника и, подведя его к скамьям, на которых сидели гости, сказал:

– А что, вельможные пани, разве мой Яцек не молодец?

Дамы и девицы спешили на перерыв выразить своё удивление той смелости, с которой Илинич напал на свирепого зверя.

Ванда не утерпела, как птичка вспорхнула она с своего места и с покрасневшимся лицом кинулась к Илиничу.

– О как я боялась за твою жизнь! – прошептала Ванда прерывающимся от волнения голосом. – Прошу тебя, не ходи другой раз на такую опасность, – добавила она, складывая на

груди руки и смотря умоляющим взглядом на молодого человека.

Илинич, вместо ответа, стал на одно колено перед девушкой и поцеловал её руку.

Весёлый говор пробежал среди всех свидетелей этих изъявлений юношеской любви, так неожиданно вырвавшейся наружу.

– Ого! – радостно воскликнул воевода, – да как видно, они любят друг друга!

– Разумеется, разумеется!.. Это ясно, как Божий день! – заговорили молодые пани, изведавшие сами на опыте что значит пылкая любовь.

– Ну, и прекрасно, чего ж более?.. Послушай, пан Дембинский, – продолжал живо воевода, – посмотри-ка на нашу молодёжь, ведь по глазам видно, что они любят друг друга! Да как ещё любят!

Ванда, поникнув головкой, стояла на одном месте, не выдёргивая своей белой ручки из руки Илинича.

– А что, ведь сегодняшнюю охоту можно закончить свадьбой! – весело крикнул воевода.

Ванда и Яцек вздрогнули.

– Илинич был бедный шляхтич, – продолжал Ильговский, – но теперь он богатый пан, потому что моё благородное слово...

– Нерушимо, – подсказал твёрдым голосом подкоморий, – что ж, и прекрасно!

Гости и подоспевшие к этому времени с разных сторон охотники плотной толпой окружили воеводу, подкомория и помолвленных.

– Прошу слушать что я расскажу вам, – начал воевода. – Лет пятьдесят тому назад, когда я и подкоморий были ещё молоды и когда в жилах у нас кипела горячая кровь, мы среди жестокой сечи дали взаимное обещание породниться друг с другом в будущих наших детях. Причина для этого была весьма важная, потому что, если бы не сабля пана Дембинского, то я погиб бы под татарскими ятаганамми, но если бы потом не рука пана Ильговского, то не вернулся бы домой пан Дембинский. Просто-напросто – мы спасли друг друга...

Пан подкоморий исполнил своё обещание, – посмотрите какая у него красавица-дочь! Но я обманул его ожидания, у меня нет сына. Погоревав об этом, мы старики по-

ложили между собою, что тот, кто будет сделан наследником моего имени, будет вместе с тем и наследником нашего обещания; потому теперь и наше обещание досталось пану Илиничу... Слышишь ли ты, любезный мой Яцек, что ты наследник всего моего достоинства? Попроси же теперь пана подкомория, сам знаешь, о чём...

– Я уже дал своё согласие, – подхватил пан Дембинский, – и да благословит вас Господь Бог, мои детки! Подойдите ко мне!..

Ванда со слезами радости на глазах кинулась целовать отца, а Илинич посменно душил в своих крепких объятиях то воеводу, то подкомория.

Пан Дембинский соединил руки невесты и жениха, который после этого, следуя старопольскому обычаю, поклонился в ноги своему будущему тестю.

Излишним кажется говорить, что опять, в честь молодых, начали наполнять и осушать заздравные кубки при громе труб, литавр, охотничьих рогов и беспрестанных восклицаниях: "виват! виват!" Пир продолжался до поздних сумерек.

Вскоре после этой неожиданной помолвки спохватились пана Кмита, его искали всюду, но он пропал без вести. Рассказывали только, что в то время, когда Илинич кинулся на вепря, Кмита приподнялся с земли и опрометью побежал в кусты по скату глубокого оврага. Однако самые тщательные поиски, произведённые в этом месте, не открыли следов исчезнувшего пана Кмиты. Поговорили об этом происшествии в замке пана Ильговского и во всём околотке, а потом, как водится, позабыли о пропавшем.

Общее мнение было то, что пан Кмита, пристыженный и в любви, и в охоте, и в наследстве, забрался, по всей вероятности, куда-нибудь на Украину, с тем, чтобы в схватках с крымцами позабыть своё горе и, составив себе имя отважного воина, тем самым загладить свою прежнюю оплошность.

Добавим к этому, что охота весело возвратилась в замок воеводы. На возвратном пути Илинич ехал верхом около колымаги, в которой сидела Ванда, слушавшая с улыбкой радостные речи своего суженого.

За поездом везли на телеге убитого вепря.

Возвращавшуюся домой охоту замыкал конь пана Кмиты. Он шёл порожняком позади всех, печально опустив свою голову...

Примечания

Дети каштеляна. Каштеляны в эту эпоху были сенаторами, и в военное время начальствовали над ополчением известного участка.

[^^^]

Звание подкомория при дворе королевско-польском соответствовало званию камергера.

[^^^]

В домах богатых польских панов дворяне, заведовавшие разными увеселениями, назывались маршалками. Уменьшительное от слова: маршал.

[^^^]